ЛИСА ПАТРИКЪЕВНА (*).

Жилъ-былъ гдѣ-то старичокъ старухой; добряки они были добряки, да ужъ такіе бъдняки, что бывало хлебаютъ изъ миски воду, а запиваютъ изъ чашки при бъдности водою-жъ. И жили ОНИ любовно, жили блонь мирно, какъ корой; въ одномъ только не было у нихъ ладу: коли хлъбца ломоть Богъ пошлетъ имъ, да накрошутъ они его въ воду, то старикъ, помолившись и кинувъ щепотъ тюрю, помѣшиваетъ лошкойсамодъльщиной по солнцу, на себя: старуха, коли перекрестится да подсядеть, знай побалтываеть ложкою противъ солнца,

^{*)} Сказка или върнъе притча эта, выставляя въ забавныхъ примърахъ нравственный перевъсъ слабой, но лукавой лисы надъ прочими животными и особенно надъ волкомъ, есть насмъшка надъ хитростію и краснобайство мъ съ одной стороны, а тупостію или простоватостію съ другой. Она у насъ извъстна, въ особенности на Украйнъ, подъ названіемъ: «Лисичка сестричка, та волкъ панебратъ,» а въ русскихъ губерніяхъ зовутъ ее «Лисой Патрикъевной.» Она же, нъсколько въ иномъ видъ, есть почти у всъхъ европейскихъ народовъ; списки въ стихахъ на нижне-саксонскомъ наръчіи принадлежатъ къ XV въку; на нидерландскомъ къ XII; на франкскомъ къ XII; на германскомъ къ XII-му, на латынскомъ, къ XII-му; полагаютъ, что баснь эта сочине на первоначально на древне-франкскомъ (германскомъ) языкъ, а потомъ распространилась въ Нидерландахъ, Германіи, Франціи и проч. Какъ она перешла къ намъ — не знаемъ, но кажется черезъ южную Россію, глъ она болъе извъстна.

отъ себя. Вотъ въ чемъ у нихъ только и была разладица; жили они дружно и мирно лътъ сорокъ, и состарълись вмъстъ собирались вмъстъ въ могилу; а какъ за ложку — такъ и въ брань; старикъ говоритъ: «мъшай на себя,» баба говоритъ: «мъшай отъ себя.» Что-бы имъ поспорить о томъ, которой стороны ложку заносить – такъ нътъ; хоть ъда-то мудрая, а безъ всякой околицы прямо въ попадають, оба, себя сами не обносятъ.

И б \pm дность, и голь — а все таки быль у старичка любимый пътухъ – говорятъ, правда, будто быль у него пътушокъзолотой-гребешокъ, да врядъ-ли; я думаю, что давно бы ужъ досталось щеголю ходить безъ прически, распустивъ хохолъ – такъ быль у старика просто пътухъ, а у бабы просто курочка. Старички просто на любили ихъ какъ дътокъ; а они – и курица съ пътухомъ, и старикъ со старухой – были бездѣтны. Пришло наконецъ для стариковъ тугое, **ѣсть** время нечего, хоть грызи — а брюхо злодъй, стараго добра не

помнитъ; вотъ, подумавъ хорошенько, вплоть до вечера, старички и положили: заръзать да сварить домочадцевъ своихъ; больше не придумали ничего. Кого въ горшокъ? всякому напередъ жаль. «А воть какъ сдѣлаемъ,» сказала старуха, «пойдемъ, да станемъ ловить — я курочку свою, ты пътушка, кто прежде поймаеть, тому ужъ видно судьба такъ порядила, тотъ и клади птицу свою горшокъ.» Ладно, пошли. Ходили, ходили по двору – нътъ, не даются, ни курочка ни пътушокъ. Покосилась баба на старика – видитъ дъло не чисто; вмъсто того, чтобы ему скоръй хватать пътушка, а онъ его отъ себя изподтишка гонитъ. Взглянулъ старикъ на бабу – она только что руками разводить передъ собой, ровно слѣпая, или будто въ потьмахъ щупаетъ; а пальцы раставила словно вилы. «Постой, старуха,» сказалъ старикъ, «давай такъ: кто первый поймаетъ птицу свою, тотъ и правъ; которая не дастся, ту и горшокъ.» ВЪ Только что успълъ сказать это старикъ – хвать, въ одинъ разъ, онъ поймалъ пътуха,

а она поймала курочку. «Стало быть одна суждена имъ обоимъ,» сказалъ старикъ; «я же такъ проголодался, что мнъ курочка съ пътухомъ на одинъ зубокъ: давай сюда обоихъ.» Принесли ихъ въ сѣни; старикъ взялъ ножъ, поточилъ его на порогѣ, да и сталъ подавать старухѣ – такъ она не беретъ: по русскому-де обычаю бабъ не годится птицу ръзать, не ея это дѣло; управляйся самъ. Старикъ ножъ, поглядълъ на него, повелъ по немъ пальцемъ, остеръ-ли – да оба вмъстъ и заплакали. Не сказавъ ни слова, выпустили они пътуха съ курицей опять на дворъ, а ножъ кинули въ столъ, гдѣ онъ бывало леживаль, какь слѣдуеть, сь краюхою хлъба, а гдъ нынъ пришлось ему полежать одному.

Воть какіе добряки были старички наши! А какъ только, выпустивъ пѣтуха съ курицей, взяли въ руки по ложкѣ, чтобъ хлебнуть водицы, да хоть этимъ обмануть голодъ свой, — то и побранились. Мѣшай по солнцу! нѣтъ, мѣшай противъ солнца; по солнцу моровая ходитъ!

часомъ курица съ пътушкомъ, разгуливая по улицъ, стали расуждать о томъ, для чего-де носили ихъ въ Курочка говорить: «видно-думали не съ яичкомъ ли я, такъ хотъли посадить подъ пѣтушокъ говоритъ, НО меня-то не зачъмъ было бы носить туда, въдь я, сама ты знаешь, развъ во сто лътъ одинъ разъ снесу яичко, да и то маленькое съѣдомое (*). А вотъ, говоритъ, быть дѣло было **ДОЛЖНО** такъ И хотъли они было приколоть насъ, да жаль стало, и отпустили. Имъ бѣднымъ, вишь, **всть**-то нечего. —

Тогда и курицѣ съ пѣтухомъ жаль стало своихъ старичковъ и пошли они искать, не найдутъ ли чего, чѣмъ накормить ихъ. «Вѣдь мы же сыты бываемъ,» сказала курочка, «отъ водомоины этой, куда всякій соръ кидаютъ, такъ авось накормимъ и еще двоихъ.» Рылись они и искали долго, не жалѣя ногтей, и хвастунишка пѣтухъ не разъ уже подзывалъ курочку, будто нашелъ

^{*)} Во сто лѣтъ одинъ разъ, по народному повѣрью, пѣтухъ долженъ снести яйцо, въ родѣ куринаго спорышка. Если дѣвкапроноситъяичко это 6 недѣль подъ мышкой,то изъ него выйдетъ змій, который будетъ служить на дѣвку разныя службы.

кладъ, да все пустяки, все не то: либо козявка какая нибудь, либо что нибудь и хуже. Вотъ наконецъ однакоже послаль Богь пътуху пшеничный колосъ, а курочкъ макову головку. Оба закричали оба ухватили находку разомъ, пустились бъгомъ клювомъ домой, И однако, чтобы не выронить осторожно зернышка Божьяго дара, и взлетьли разбъгу на призбу, подошли къ маленькому оконцу, да и начали постукивать носомъ въ Старикъ тусклое стекло. приподнялъ оконце, выглянуль на улицу, и подозваль старуху: «Посмотри-де какое гостинце домочадцы наши принесли!» Пѣтушокъ, расшаркавшись храбро молодцомъ, проговорилъ свое спасибо, хоть по старой привычкъ и съ запинкой да растановкой, и подаль старику пшеничный колось; а присъвъ и наклонивъ головку, курочка, будто хотъла ВЪ руки сама даться, заикнулась было разъ-другой, да больно прилегло къ сердцу, что не смогла проговорить молча ничего И подала родимой своей макову головку.

Обрадовались старички, что хоть курочка съ пътухомъ попомнили имъ добро да утъшили ихъ на бъдность да на голодъ; старикъ и принялся было выколупывать по пшеничнаго колоса, изъ изгрысть ихъ по одному, да старуха его «Постой,» остановила: говоритъ, «праздникъ на дворѣ; люди пироги пекутъ, а мы-то какъ будемъ? терпъли мы долго, потерпимъ еще немного, ужъ покрайности будемъ и мы съ пирожкомъ, не хуже людей.» Старикъ послушался ее, говорить: «это твое, бабье, хозяйское дѣло, стряпай знаешь.» Вотъ какъ вымолотили изъ колоса зерно, да смололи его; потомъ, вытряхнувъ макъ изъ маковой головки, истолкли его, прибавили, ради славы, капельку медку и состряпали себъ пирожокъ. Затъмъ, какъ печи истопить имъ было нечъмъ, такъ они приподняли оконце, поставили пирожокъ И свой да солнышко, чтобы хоть заскорузъ немного облизали пальцы, да и стали дожидаться, покуда онъ испечется.

дѣло Сдѣлавъ это, старички стали придумывать отъ бездѣлья, какъ-то ОНИ сладко ѣсть станутъ пирожокъ свой, запивать его водицей; какъ накроютъ они чистымъ рядномъ, столъ кружкѣ подадутъ праздника; какъ на деревянномъ пирожокъ да станутъ его помолившись; дѣлить, идучи какъ КЪ объднъ похвалятся передъ людьми, что и мы-де сегодня, благодаря Бога, не безъ пирога – а промежъ разговора, старуха пошла приготовить бълое рядно, а старикъ взяль ножь, да сталь скрести и чистить кружокъ, который ВЪ голодную навалялся подъ лавками и въ подпечьъ.

Объ это самое время шли оврагомъ подъ селомъ два побратима, братъ съ сестрой, дружные, какъ рыба съ водой: это были сестричка—лисичка, Лиса Патрикъевна то есть, да сърый братишко ея, бирюкъ. Патрикъевна водила его подъ часъ съ собою, когда выходила на промыселъ, чтобъ при случаъ подставить спину его вмъсто своей. Оно, коли судить здраво и безъ предубъжденій, конечно сходнъе и

выгоднъе обойдется, чъмъ подставлять свою; особенно если вспомнить, что бывшимъ примърамъ, иногда на онжом схите тулупъ промыслахъ свой рукахъ у непріятеля. оставить ВЪ эту пору волкъ лисой на СЪ словомъ, пробирались оврагомъ подъ селомъ, провъдать, не наткнутся ЛИ гдѣ съѣстное. Видно нужда и голодъ – коли не дъти – заставили бъдняковъ да пуститься на такое незаконное и незавидное ремесло, и пригнали новыхъ односумовъ подъ Вдругъ нашихъ самое жилье. остановилась, приподняла сестричка переднюю лапку, повела моргая рыльцемъ да усиками въ сторону, чихнула, чтобы прочистить носъ, опять повела туда же – и послышала тонкимъ чутьемъ своимъ лакомый медовой пирожокъ на низкомъ оконцъ. Она толкнула съраго подъ пахъ, чтобы его надоумить о находкъ; а сърый стоялъ въ это время дуракъ дуракомъ, горе-богатырь, подгорюнясь какъ хотѣлъ было затянуть только-что горемычную пъсенку свою; испугавшись

нечаяннаго ЭТОГО толчка, онъ поджалъ хвость, да и махнуль было черезь оврагь. «Стой, глупый человъкъ,» сказала лиса, стой ≪куда смирно, ты? да понюхай хорошенько, сюда, вотъ вотъ ВЪ ЭТУ сторону!» — A что? — «Да развъ не слышешь?» - Нътъ, сестрица, ничего не слышу. - «Ну, братъ, видно ты чутье свое подтормозилъ!» — Ничего не убей! сестрица, «Что-то хоть малорослое?» продолжала лиса, «а страхъ хорошо пахнетъ! Подойдем-ка поближе, да понюхаемъ; да ну, чего ты робъешь, ровно подъ своего брата крадешься! иди; вонъ, видишь ли, гляди, вотъ что пахнетъ, да еще надо-быть медкомъ; ЭТО пирожокъ его!» — Украдемъ, украдемъ лежить: сестрица, – сказалъ волкъ. «Hy, ступай лисичка, же,» сказала «ухвати зубами.» Волкъ подумалъ – нътъ. сестрица, ступай лучше ты, да подползи; меня увидять, я больно толсть, а увидъвъ, какъ разъ перелобанятъ. – Вотъ сестричка и напустилась на него: «ахъ ты старый хрънъ, сърый хрычъ! Развъ ты забылъ, что

уговоръ у насъ былъ: все пополамъ? стало быть и горе и бъда, и нужда и страхъ – все надо; принимай на себя. сваливай; а коли я сама пойду да унесу, такъ развъ я дура буду, что тебъ отдамъ? Я нашла, а ты постарайся; пошолъ, съдой лъшій, пошолъ добро, да иди смълъй не бось, не оглядывайся; подбъги борзо, да и ухвати; что ты о себъ задумаль? да если и увидитъ кто тебя оборванца, такъ никому и въ голову не придетъ, что это волкъ; тебя много-много что сочтутъ за паршивую собаку! Погляди на себя на срамца, развъ ты похожь на порядочнаго волка?»

Хоть сърый нашъ и вздрогнулъ всъмъ тъломъ, когда лисичка-сестричка помянула непригодное словцо: собаку, потому что онъ былъ смала застращенъ както няньками да мамками и страхъ не любилъ собакъ, – оправившись однакожъ онъ побъжалъ въ перевалку, свиною скачкой, оконцу КЪ старичковъ, гдѣ лежалъ нашихъ на солнышкъ пирожокъ-сыроъжка.

Между тъмъ старички уже собирались было отвъдать этого пирожка и прихлебнуть

свѣжепросольной водицы, да опять уже, по обычаю своему, и поссорились; они не могли поръшить, къ себъ-ли, отъ себя-ли надо побалтывать ложкой; за споромъ-то они пирожокъ свой и прозъвали; волкъ схватиль его, очертя голову съ окна, и побъжалъ. Старикъ, оглянувшись увидалъ это, да и закричалъ: «прочь собака!» самъ схватилъ посохъ свой, чтобы догнать улицъ эту собаку и отбить пирожокъ; старуха, которая ничего видъла что случилось, и думала старикъ выбранилъ ее, а самъ хочетъ отъ нея бѣжать, — закричала: «постой, старый бъсъ, не бранись!» а сама кинулась за нимъ, поймала его за ноги и уронила бъдняка на-земь, такъ что онъ раскроилъ себъ лобъ о порогъ. Сорокъ лътъ въку изжили старички наши вмъстъ, а этого между ними не случалось; шуму, крику и было много; созвавъ кумовьевъ, плачу сосъдей, насилу сватьевъ И они помирились, рѣшивъ, что ихъ стало быть попуталъ бѣсъ; видно-де КЪ подбъгалъ оборотень какой-нибудь,

который унесъ и пирожокъ, напустивъ мару и на насъ. Оставимъ же ихъ теперь и посмотримъ, что дѣлаютъ наши односумы.

Отбъжавъ за село въ овражекъ, остановились и сърый, выпустивъ изо-рта пирожокъ, по которому у него слюнки текли, честно дожидался лисички. только она подоспъла однакоже, то онъ и было сейчасъ же, не выждавъ часу объда, урочнаго начать дълежъ «Постой-же,» пирожка. сказала которой вовсе не хотълось подълиться съ волкомъ, «еще успѣешь; что ты всегда такъ жадничаешь, будто боишься что отымуть: во первыхъ, еще рано; добрые люди только объднъ пошли; КЪ BO вторыхъ, понюхай-ка, въдь у тебя чутье тонкое, ты славился всегда этимъ пирожокъ маленько не дошелъ, онъ еще сыроватъ; а ты самъ знаешь, что отъ этого не хорошо бываеть, это не здорово. Положимъ его лучше на часокъ еще на солнышко, да и ляжемъ, и отдохнемъ послъ ТУТЪ трудовъ; полюбуемся на Божій міръ – а проснувшись и перекусимъ вмъстъ.»

Сърый проворчалъ было про себя, что давно-де пора бы объдать и совсъмъ не рано; подумалъ также про себя, что пирогъ онъ одинъ унесъ, и могъ бы, кажись, оставить его за собой; однако совъстно стало ему лисы, которая такъ красно и умно говорила и притомъ назвалась ему сестрой – онъ и не сталъ спорить, а легъ, одълся своимъ тулупишкомъ и уснулъ. Лиса только этого и ждала: она тотчасъ вскочила, подошла тихонько къ пирожку, выѣла всю начинку, TO есть макъ медомъ, и насыпала въ пирожокъ сухой пыли изъ дождевика – все одно тотъ же табакъ; потомъ опять искусно задѣлала пирожокъ и прилегла.

Между тъмъ сърый облизывался во снъ, помахивая хвостомъ. Проснувшись, онъ всталъ, потянулся, зъвнулъ, и видя что лиса спитъ еще кръпкимъ сномъ, подумалъ: вотъ, неповинная душа, спитъ себъ, — не какъ нашъ братъ, гръшникъ окаянный, который нигдъ не найдетъ покою... Взглянувъ однакожъ на добычу свою, на пирожокъ, сърый подошелъ спроста и безъ

умысла понюхать его, чѣмъ-де пахнетъ, да не дошелъ-ли онъ на солнышкѣ? – А лиса вскочила, да кинувшись на него со всъхъ напустилась: «ты−де, облѣзлый тулупъ, хотълъ одинъ по себъ съъсть, а мнъ бы опять послъ сказку сплелъ? Ты, старый воръ, все такъ дѣлаешь; ты только и видишь во снъ и на яву, чтобъ украсть, стянуть что нибудь, да обидъть бъднаго и человѣка?» Волкъ божится, честнаго клянется, что только тъмъ и виноватъ – коли виновать — что хотълъ понюхать не дошель-ли пирожокъ. «Ой ты, старый воръ,» сказала лиса, какъ будто ей ужъ и жаль стало стараго за свою напраслину, только-бъ тебя; вотъ Я Я ≪знаю устерегла, такъ и простилась бы СЪ пирожкомъ. Ну, давай дълить, нечего съ тобой дълать; ломай пирожокъ – да смотри, не обдъли: по ровну!» Сърый прикинулъ глазомъ, взялъ пирожокъ зубы, да и спрашиваетъ сестрицу: – такъ ладно будетъ, что ли - «Ну ладно, ладно, полно балагурить, ломай, да ломай у меня смотри въ одинъ разъ, не кроши!» Сфрый

надломилъ, чихнулъ, вытеръ морду о траву, фыркнулъ, опять чихнулъ, да и глядитъ на лису. «Что на тебя невпору чохъ напалъ,» сказала она подбъжавъ, «ба, да это что? Это ты обжора напроказилъ? ты выълъ начинку, между тъмъ какъ я отдыхала, повъривъ чести твоей, да еще и насыпалъ туда какой-то пыли!»

Волкъ присѣлъ по собачьи на заднія лапы, облизался, опять чихнулъ, покачалъ головой и сказалъ: — Не грѣшно тебѣ, сестрица, такъ на меня наговаривать! Да не я ли проспалъ весь Божій день, голодный, рядомъ съ тобою? —

«Врешь ты, лакомый ягнятникъ, это ты,» кричала взвизгивая Лиса Патрикѣевна, бросаясь на него со всѣхъ сторонъ; «ты съѣлъ начинку — да отъ тебя и медомъ пахнетъ, да!» Волкъ божится, клянется: чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться; чтобъ мнѣ вѣкъ отъ добрыхъ людей добра не видать, коли я безъ тебя глядѣлъ на пирожокъ твой, не только подходилъ къ нему — а каковъ въ немъ вкусъ живетъ, такъ этого я не видалъ и во снѣ! — Но

лисичка кричитъ свое, ничего не слушаетъ, мечется на волка, хлещеть его хвостомь по оправданія И даже ТОГО принимаетъ отъ волка, что еслибы самъ онъ начиниль пирожокъ табакомъ, то не сталъ бы раскусывать его и послѣ отъ поганаго зелья чихать. «Нътъ,» говоритъ лиса, «все врешь, это ты такъ схитрилъ; принимай очистительную пытку, пожалуй и я съ тобой – я этого не боюсь – шила въ мѣшкѣ не утаишь, все выйдетъ наружу: ляжемъ сей часъ рядомъ брюхомъ противъ солнышка; на комъ на первомъ выступить отъ жару воскъ на тълъ, тотъ и виновать, тоть и съѣль начинку съ медомъ тому за нее отвъчать, безъ всякихъ отговорокъ.» – Пусть будеть по твоему, – тебя волкъ, авось сказалъ Богъ буду безъ пусть накажетъ; a Я вины виновать, коли сбудется это надо мною. —

Легли. Волкъ, у котораго смолоду была привычка спать отъ бездѣлья съ утра до ночи безъ просыпу, особенно въ праздничный денекъ, да еще и на солнышкѣ — волкъ захрапѣлъ себѣ тутъ

же, а лиса вскочила и побъжала промышлять.

Бѣжитъ, бѣжитъ она мелкою собачьею глядитъ, старый кумъ отставной Михайла мельникъ Потаповъ, медвъдь то есть, украль гдъ-то цълый улей и ворочается съ нимъ, какъ лъшій съ колодой: лапы въ летокъ не просунетъ, изодралъ кору немъ ВСЮ на кохтями – а толку нътъ; реветъ, а дъла не сдѣлаетъ. «Здорово куманекъ,» сказала лиса, повиливая пушистымъ хвостомъ, «что ты связался съ колодой? аль кто тебъ ее вмѣсто чурки на шею навѣсилъ?» – Да хотълось бы медку полизать, – отвъчалъ мишка, утирая лапой потъ съ не дается. – «Эхъ лица, — да кумъкуманекъ,» лиса, обнюхавъ отозвалась улей, «все не сподручно дѣло ТЫ **3a** берешься; ты откуда унесь его, съ пасеки вѣдь у мужика, у криваго Антропки?» — Съ пасеки, отвъчалъ кумъ, утирая рукавицей, – въстимо что у мужика; а кривой ли онъ Анропъ, нѣтъ-ли, не видалъ я, признаться, не до того было. Я еще у

отца покойника въ загоняхъ живалъ, да и пъстунъ у меня сердитъ больно былъ; такъ съ этого, что-ли, а только ину пору такая робость нападетъ, что всего пройметь — и ужъ тогда уплетаешься, съ тъмъ что Богъ послалъ, безъ оглядки. – «Ну видно что такъ,» сказала лисанька; «а то, лучшебъ тебъ, Михайла Потаповичъ, поъсть-было \mathbf{y} ЭТОГО мужика готоваго медку изъ корыта.» – А нешто есть него? — «Какже, есть; онъ собирается вишь свадьбу играть, отдаеть дочь за Степана Поджараго — такъ собирается тамъ варить и стряпать всякую всячину; вотъ припасъ меду цълое корыто, да и поставилъ соты на солнышко, чтобъ отекли.» – Не этого признаться, - сказалъ видалъ Я Топтыгинъ; – да гдѣ же медъ у него подойти можно? — «Пойдемъ стоитъ? вмѣстѣ, кумъ,» подхватила Патрикѣевна, «я тебя доведу и покажу: смъло иди. Я вдоволь навлась, такъ надо же и другому человѣку услужить, особливо доброму куманьку. Пойдемъ, убрали покуда не соты, да не поставили на ночь въ печь.»

Пошелъ кумъ за кумой, лиха не чая, и прямо за нею къ мужику на дворъ. Тутъ дубовый толстый кряжъ, надколотый съ одного конца, а въ трещину загнанъ былъ до половины толстый клинъ. Лиса все это смътила и высмотръла заранъ и теперь шла себъ смъло, зная, что если бы ихъ и застали вдвоемъ, то ужъ конечно мужикамъ было бы не до лисы, а все село поднялось бы на дъдушку Топтыгина. «Вотъ кумъ,» сказала она, «вотъ тебъ и корыто, а въ немъ и медъ; засунь туда морду свою, а не то доставай лапой, да и душѣ угодно.» Михайло сколько Потаповичъ хоть и проворчалъ было что-то про себя, что не ловко-де, тъсновато, да и не слыхать туть кажись меду - однакожъ запустилъ таки лапу въ широкую щель; а лисанька, поучая его какъ доставать медъ, да въ которую сторону подальше запустить лапу, вдругъ ударила по клину; клинъ выскочилъ, дубовый кряжъ только сомкнулся, щелкнулъ, И мишкина лапа засъла въ лещедкъ, ровно приросла.

Заревълъ дъдушка не своимъ голосомъ, да такъ, что вмигъ всполошилъ все село; а лисанька, какъ только увидъла, что дъло сладилось какъ нельзя лучше, не дождалась конца этой заунывной пъсни, махнула черезъ тынъ, черезъ другой и третій — только труба у нея по вътру ръетъ — и пропала, ушла изъ вида.

народъ, выскочилъ Встрепенулся улицу, да туда, гдѣ Мишка благимъ матомъ караулъ кричитъ. «Братцы! медвѣдь! отколь онь взялся? да какъ онъ попалъ? Да на цѣпи, что ли онъ посаженъ у Антропки? аль въ капканъ попался? Бить его, что ли?» – Бить, кричать всѣ голосъ, бить! – Какъ услышалъ бъдный космачъ нашъ слово это, да увидълъ, что лапу до скончанія въка ему не вытеребить, то взяль онь въ охабку дубовую колоду, самъ всталъ на дыбы, да и пошелъ домой. Хоть няньчиться плохо СЪ такимъ дътищемъ, роженымъ подумалъ онъ, однако все лучше чѣмъ класть тутъ голову плаху. Народъ вокругъ него кишитъ: да какъ только насунется КТО

близко, то Мишка замахнется куклой своей въ бокъ да въ сторону – опять народъ и разбъжится; а онъ знай дальше да дальше. Такъ его съ крикомъ, съ шумомъ весь міръ почетно выпроводилъ за село, до самаго лѣсу, да тамъ съ нимъ и раскланялся. «Ну, счастье твое что ушель,» кричали ему вслѣдъ «а кабы не упустили мы тебя, такъ не ушель бы николи!» — Толкуйте вы, проворчалъ Мишка про себя – ушель, да нерадъ; не знаешь какъ и быть; что я теперь дълать стану съ этой колодой? въкъ что-ли съ нею няньчиться? Ну, ужъ развъ не попадется мнъ кума проклятая, а то я ее причешу и приголублю. Не чаялъ я такого грѣха...

Между тъмъ лиса пробъжала въ одинъ духъ безъ отдышки на мъсто, гдъ медвъдь покинулъ улей; а какъ у нея лапка не въ кумову рукавицу, то она и повытаскала изъ улья соты, медъ съѣла, а вощины принесла, облизавъ ихъ, туда, гдъ она съ односумомъ опочивъ держала. Волкъ спитъ, не просыпался. Вотъ лиса взяла воскъ И облѣпила съраго кругомъ, ИМЪ a сама

обчистилась, облизалась, и легла на свое оборотившись, ПО уговору, брюшкомъ прямо на солнышко. Ей, какъ сытой, не скучно было и полежать отдохнуть; скоро НО волкъ проснулся. Сталъ онъ самъ себя оглядывать, и не знаетъ, что это съ нимъ сталось! а лисинька подскочила и давай его обнюхивать – и принялась теребить: «Это что, милостивецъ мой, а? да ты, братъ, весь въ воску, какъ въ репьяхъ; погляди-ка на себя! Что, хорошъ? правда Такъ какова, вотъ она хваленая, неповинность ТВОЯ вотъ напраслина, вся наружу вышла! Хорошъ, хорошъ; ай да товарищъ!» Волкъ бѣднякъ пожаль плечами — да и только. — Виновать я, коли такъ, виноватъ да и только. Стало я начинку эту во снѣ; а быть съвлъ завъдомо не гръшенъ; ни, ни... – «Ну,» кричала лиса, «ужъ я знаю, что у тебя, сидъльца, московскаго \mathbf{V} какъ отговорками дѣло не стоитъ; объ этомъ что и говорить! Вишь, напала спячка на съраго; ТЫ спишь только когда вотъ проказишь, а какъ до дѣлежа дѣло дойдетъ,

такъ не бось, не проспишь?» – Полно же, бранись сестрица, – сказалъ стаскивая съ шубы своей зубами вощины, ну въдь я тебъ разъ повинился; чего жъ тебъ еще? въдь ужъ я тебъ пирога другаго не испеку, хоть ты надсядься. Лучше воть что: пойдемъ вмъстъ промышлять – у меня такая возня въ желудкъ, ровно тамъ цълая стая гончихъ потъшаются – да ужъ нечего дълать, терпълъ двои сутки, потерплю еще; первая общая добыча твоя, безъ дълежа, развъ сама что изъ чести пожалуешь. Пойдемъ, да не грызижъ мнъ больше голову, надобла! —

Пошли. Патрикъевна однакоже знай все твердить односуму своему, для памяти, «что гляди-де, первая добыча моя, а ты нахаль не смъй трогать ее; смотри, не Сѣрый забудь.≫ только вздохнулъ, да промолчалъ. Вдругъ лисанька погналась за мышкой, чуть не поймала ее – однакожъ оплошала както и мышка подъ-носомъ у нея ушла въ норку. «Рой,» говоритъ волку Патрикъевна, «рой сейчасъ, да скоръй, не лапъ!» – Сестрица, – говоритъ жалѣй

волкъ, — ну стоить ли мышонокъ такой работы? помилуй, еслибъ это быль хоть покрайней мѣрѣ теленочекъ... — «Ой ты лѣнтяй, обжора,» напустилась на него лиса: — «Иванъ, иди молотить — брюхо болитъ; Иванъ, иди кисель ѣсть! — а гдѣ моя большая ложка? — Это съ тебя съ плута взято, ты точно таковъ и есть! А уговоръ забылъ? развѣ не ты обѣщалъ покаяться въ обжорствѣ своемъ и загладить вину свою, постараться при первой добычѣ для меня?»

Нечего сърому – принялся. дѣлать онъ рыль часа два, всѣ кохти Рылъ ободраль, и не разъ одышка его бала, такъ, что языкъ на четверть вывѣсилъ сестрица лежитъ подлѣ на боку, да все только знай погоняеть: «поскоръй, копай!» лѣнись, Наконецъ дорылся; мышенокъ выскочилъ, лисанька поймала спровадила ВЪ глотокъ его, одинъ облизалась. «Пойдемъ дальше,» говоритъ, найдемъ ЛИ еще чего.≫ Сърый ≪не покосился на нее, встряхнулся и сказалъ: -Hy что же, сестрица, поквитались

теперь, что ли? — «Поквитались, теперь мы опять товарищи и ровни.» — И всякая добыча пополамъ? — «И всякая добыча, кто бы ни поймалъ, пополамъ.» — Ну, пойдемъ, коли такъ. — Пошли.

Идеть по дорогь обозь съ рыбою, тарань вяленую съ Дону. Лиса тотчасъ смекнула, какой ЭТО товаръ, постой, надо думаетъ: какъ ухитриться, чтобъ съъсть рыбку; вяленая тарань — это мнъ по вкусу; да надобно сбыть съ рукъ вотъ этого дурака, чтобъ не мѣшалъ. Я люблю его водить съ собою тамъ, гдъ мнъ нужны зубы, спина да ноги его; а съъсть тараньку – это я съумъю и одна, только бы ее достать. — «Послушай,» сказала она сфрому, «поди ты забъги впередъ, вонъ къ тому кургану, видишь? Тамъ залягъ и лежи; а я отсюда кинусь, да распугаю весь обозъ; вотъ какъ все это понесется тебъ навстръчу, такъ ты ужъ не зъвай: любаго вола выбирай, да и потроши; а вощиковъ я угоню за возами, въ другую сторону.» Сърый – видно такой породы быль – привыкъ слушаться; онъ поплелся рысцой въ присядку околицей, и залегъ на томъ мъстъ, гдъ указала лиса.

А лисичка-сестричка забъжала впередъ легла растянувшись обоза поперегъ дороги, словно покойница: лапки разметала, зубы оскалила, глаза прищурила, сама не дышеть; извощики наъхали, поглядъли убитая лиса на дорогъ лежитъ; вотъ Богъ далъ находку! видно потерялъ охотникъ, либо сама, сердечная, скончалась; спасибо ей. Извощикъ поднялъ ее: «О, да видно она ужъ довольно полежала тутъ ужъ и смердитъ немного – ну, ничего.» Извощики бросили ее на возъ, и пошли опять своей дорогой подлъ обозовъ, а сами давай спорить, кто первый увидаль ее и кому шкура достанется. Спорили, спорили, наконецъ ръшили: мъряться всъмъ имъ по лисьему хвосту; кому достанется кончикъ, того и лиса; тотъ будетъ хозяинъ вину, которое вымѣняютъ на лису, будетъ И потчивать и угощать другихъ. Вотъ они подошли всѣ къ возу – лисаньки нѣтъ; только мѣсто знать, гдѣ лежала. Тогда мужики стали догадываться, ЧТО стало

Патракъевна была быть-де жива; еще: рогожа проъдена; лиса, поглядѣли лежа на возу покойницей, нагребла скинула съ воза рыбки вдоволь, соскочила, да и пошла. Собравъ ее по дорогъ, она съла подъ кустикомъ и сказала сама себъ: «вотъ спасибо; лисанька умница; **3a** ЭТО поработала, постаралась, теперь такъ покушай за это, – а половину спрячь, про черный день.» Такъ часть она закопала въ землю, засыпавъ сверху еще листьями, а половинку разложила передъ собой и стала ѣсть.

Между тъмъ сърый, прождавъ цълый часъ по напрасну за курганомъ, видълъ, что извощики проъхали мимо его спокойно и сталь догадываться, что лиса его обманула. пробираться оврагами Онъ началъ кустами назадъ, напалъ на слѣдъ лисы и засталь ее за лакомымъ ужиномъ. сказку, торопилась сама сплела ему a доъсть остатки тарани. Сърый долго сидълъ молча, только облизывался, все думаль, что сестрица сама догадается подълиться съ нимъ, по уговору; но видя, что этому не

рыбки бывать И ЧТО остался одинъ сталъ просить хвостикъ, eeСЪ нимъ подълиться. «Воть еще,» сказала она, «я сама наловила, такъ сама и ѣмъ; общая добыча, а моя.» — Ну хоть головку просилъ волкъ, хвостикъ... – «Ничего не дамъ, да ужъ и вся, нечего и давать; а ты что за дармофдъ? шатался Богъ въсть гдъ, да и пришелъ въ нахлъбники проситься!» – Ну такъ научи ты меня, сестрица, гдъ ты достала рыбку? – «Да я же прямо на тебя поставила обозъ съ рыбой,» сказала лиса, «развъ подобралъ ничего?» - Ничего, сестрица, и не видалъ ни одной рыбки. – «Такъ кто же теперь виновать? Я для тебя старалась, а ты Богъ знаетъ гдъ прошатался; поди, догоняй обозъ, тамъ рыба черезъ верхъ сыплется, всю дорогу покрыла, поди, подбирай!»

Пошелъ сърый, повъривъ сестрицъ, догналъ обозъ, ни одной рыбки не видалъ, да еще и насилу ушелъ отъ собакъ, которыя таки вычинили ему немного тулупъ, такъ что клочья висъли. Воротился

онъ къ лисъ, которая между тъмъ убрала до чиста всю добычу, и сталъ ее укорять. «Братецъ ты мой любезный,» сказала она ему, «да что же я съ тобой дълать стану, коли ты и глупъ и нахалъ и никакого поведенціи НИ свътской учливства знаешь? Зачъмъ же ты пользъ прямо на глаза собакамъ? Я послала тебя подбирать дорогѣ, рыбку по полѣзъ ТЫ a возамъ!» – Да по дорогъ нътъ ни одной, – отвъчалъ сърый – я обнюхалъ все, нашелъ правда мъстахъ въ двухъ слъдочекъ, какъ лежала, будто рыбка отзывается таранькой — и только, а нътъ ни одной. — «Ну такъ видишь-ли, что тебя не Я обманула; стало быть ты опоздаль, кто нибудь подобраль уже до тебя; самъ знаешь, такихъ ловчихъ какъ мы съ тобой, много тутъ шатается; не зѣвай впередъ.» — Сестрица, – сказалъ волкъ, – кажется ты все врешь! - «A, такъ насилуто догадался,» подхватила лиса; «чтожъ ты маленькій, что ли? Покрайности признайся же, что вашего брата не льзя не проучить иногда; иначе, кто тебъ дастъ ума? вольно

же теб \mathfrak{b} не знать шутки!» — Ну, ладно, сестрица, Богъ съ тобой, такъ скажи же хоть теперь — въдь ты не шутила, что рыбу ъла въ моихъ глазахъ; гдъжъ ты ее взяла? подълись, что ли! - «А гдъ же я тебъ возьму, коли нътъ больше? ты поди, да налови, какъ я наловила, вотъ у тебя и будеть; я уморилась на-смерть и прозябла до мозговъ.» – Да скажи же хоть разъ правду, сестрица, не обмани меня хоть на этотъ разъ – вѣдь ужъ меня скоро вздуетъ отъ голода, такъ несчастливо задалось на первый разъ товарищество наше; скажи же мнѣ, гдѣ ты наловила? – «Пойдемъ, ей истинно всю правду скажу и сама приведу тебя на мъсто и покажу, гдъ ловила, и научу ловить!» — Hy, какъ спасибо, сестрица. —

Патракъевна привела съраго на ръчку, подъ самую деревню, и посадила на краю проруби. «Вотъ,» сказала она, «сядь на самый край, а хвостъ опусти въ воду и сиди какъ можно смирнъе, не ворочайся, чтобъ не напугать рыбы, да приговаривай про себя: «ловись рыбка малая и

большая»...только не разѣвай ротъ своему обычаю, а то переполошишь все село, не только рыбу; говори просебя, втихомолку.» Волкъ сълъ, свъсилъ хвостъ въ прорубь и сталъ просить сестрицу: приговаривай и ты со мной пожалуста, а ужъ я стану говорить за тобой; у меня у старика и память слаба, да и языкъ, что одеревенѣлъ совсѣмъ: скороговорки одинъ и не вымолвлю. – Лиса бъгала вокругъ волка, то съ одного бока подойдеть, то съ другаго, и кричить ему на ухо тонкимъ голоскомъ: «ловись рыбка малая и большая;» — ловись рыбка, ворчалъ сърый сиплымъ голосомъ своимъ, отворачивая голову въ сторону; «малая и большая,» кричала лиса малая большая, - повторилъ волкъ. Между тъмъ лисичка приговаривала про себя: «ясни, ясни, на небъ – мерзни, мерзни волчій хвостъ...» – Что ты нашептываешь себя, — спросилъ сърый? «А я нашептываю слова,» отвѣчала пригодныя сестрица, «чтобъ скорѣе рыба ловилась.» — Пора, что ли, тащить, — спросиль волкъ — кажись

забираетъ, клюетъ что-то... — «рано, рано,» отвъчала лиса, «постой, за то много вдругъ вытянешь!» — Право пора, сестрица, прикажи потянуть, что то кръпко щиплетъ... — «Постой, это долженъ быть ракъ; ну ракъ и есть, вотъ добыча будетъ! а ну, потяни...»

Потянулъ было сѣрый такъ дернулъ еще разъ осъкся, тянется; присълъ опять, да и глядитъ дуракомъ на лису, не зная какъ быть и что дълать. Лиса опрометью кинулась на село И сзывать и малыхъ и великихъ, и молодыхъ и старыхъ, кто хочетъ бить волка! А русскаго человъка и хлъбомъ не корми, коли доведется волка бить; выскочили всъ: мужики съ дубьемъ, бабы съ помелами, съ кочергами – ребятишки съ плетками, съ хворостинами – всѣ на волка; а бѣдный волкъ ни съ мѣста; какъ ни повернется, все либо бока либо другому TOMY, били били, подставляетъ; они его колотили – пришло ему бъдному терпъть не подъ силу, уперся онъ лапами понатужился, И пожалѣвъ ВЪ ледъ, не

хвоста, рванулъ изъ всей мочи, и оставивъ добрый клокъ шерсти во льду, на память людямъ, пустился бѣжать добрымъ всѣхъ ногъ. Народъ за нимъ; волкъ село — и тамъ народъ; волкъ на дровни, мужикъ покинулъ берегу, которые на побѣжавъ смотрѣть бьютъ; какъ волка собою лошадь испугалась, почуявъ **3a** волчій духъ, понеслась и умчала волка благополучно за село. Вези куда хочешь, подумаль онь, ощипываясь да дрожа всьмъ тъломъ; все лучше чъмъ пъши бъжать – перебили, бока мнѣ руки НОГИ отколотили.... постой, проклятая, попадешься, я тебя!

Между тъмъ лиса, подстерегая конецъ продълки своей, притаилась подъ заборомъ; а когда увидъла, что волка не добили, что онъ вырвался, то стала придумывать, какъ ей теперь отъ него отдълаться. Зная что старъ и малъ всъ теперь побъжали за волкомъ, она кинулась въ первую избу, ухватила краюшку хлъба, лепешку, пару яичекъ, пътушка да селезня, и все это уклала въ мъшокъ. За-тъмъ она вскочила

въ квашню и вся вымазалась тъстомъ, а головку подвязала тряпицей и въ этомъ видъ смъло побъжала своимъ путемъ въ лъсъ.

Лошадь проносила волка взадъ И по всѣмъ дорогамъ, наконецъ впередъ умаялась и поворотила както прямо встрѣчу лисъ. Какъ только она увидъла какой это баринъ ѣдетъ, то и легла поперегъ дороги. наѣхалъ, лошадь остановилась; сердце у него у добряка отлегло; видя что сестра чуть жива лежить, поглядель онь на нее и сказалъ: «что, безпутная, видно таки и тебъ на оръхи досталось? – и ништо, по дъломъ, вотъ погоди еще я тебъ прибавлю: тебя проучу!» Лисанька приподняла головку, оборотила къ нему мордочку, подкатила глазки, вздохнула и покачала «Вотъ,» сказала головой: она, «какова благодарность у людей живеть – я же за тебя пострадала, на силу живая ушла, и ты же меня попрекаешь!» - Полно грѣшить, сестрица, - сказалъ волкъ, - полно врать, ну гдѣ ты за меня пострадала? – «Ахъ, братецъ, еще ты же мнъ не въришь! больно

это мнъ, братъ любезный, больнъе побоевъ, право. Въдь я кинулась спасать тебя, когда увидъла, что ты, по своей неосторожности попаль въ бъду; сколько разъ ужъ я тебя остерегала, обжорливость твоя не поведетъ добру, а когда нибудь ТЫ попадешься; воть ты вздумаль сорокапудовою бълугу поймать, да и сълъ съ нею!» — A развъ это бълуга была? спросиль волкъ. «Бѣлуга, братъ любезный, истинно бълуга, и бъла вотъ какъ вода. А бы помнилъ пословицу: курочка зернышку клюеть, да сыта бываеть... воть, какъ бълуга-то ухватилась за тебя, тебя топить, испугалась, Я стала да бросилась за помощью; туть народъ кудато шелъ, встрътилъ меня, да какъ принялъ меня со всъхъ сторонъ въ тычки да въ пинки — такъ ужъ я и не знаю гдѣ и какъ душа во мнъ душа удержалась... вотъ, видишь, и головушку всю разбили, и всъ кости такъ перемяли, что мозги наружу выступили...»

Волкъ не зналъ върить ли ей, нътъ ли; что-то казалось ему, будто она ужъ не

впервые его обманываетъ; онъ обнюхалъ ее, нахмурилъ брови, покосился, промолчалъ, да и полѣзъ опять на свои дровни. Стала лиса проситься, чтобъ онъ взялъ ее съ собой; однако онъ не захотълъ: говоритъ, «больному человѣку, и самому твсно, да и санишки вовсе плохи, чуть живы; ужъ лучше намъ, сестрица, тобою, брататься СЪ И ДО разойтись...» Но лиса такъ умильно жалобно стала просить его, позволить ей положить сани хоть одну на перебитую лапку свою, что сърый наконецъ согласился. Лиса положила одну лапку, а потомъ и другую, а тамъ стала расказывать ему о такихъ лакомыхъ блюдахъ, что у волка слюнки потекли и онъ развѣсилъ уши. Тогда лисанька положила и третію лапку, и четвертую, а наконецъ и хвостъ подтянула и сама вся ввалилась туда же. Она наълась за трехъ волковъ – и санки подъ нею крякнули. «Что это?» спросилъ волкъ. – А это дубъ трещитъ, – отвъчала лиса. «Нътъ, то санки наши,» сказалъ волкъ. – Ну, такъ это отъ тебя, толстяка,

наши санки трещать, — сказала лиса, вишь, наѣлся! – «Нѣтъ, сестрица,» ТЫ молвилъ волкъ со вздохомъ, «бока вздуло у меня не отъ ѣды, а отъ худобы, да отъ побоевъ.» – Такъ голоденъ, ТЫ бѣдняжка? – «Да какже не голоденъ, ты знаешь, что у меня сегодня еще насущной крохи во рту не было!» — Aхъ ты мой сердечный! такъ что же ты мнъ давича не сказаль? Воротимся скоръй, благо у насъ санки есть и лошадка, въдь у меня собрано припасовъ довольно; привеземъ тамъ домой, да и поужинаемъ. – «Да ты все обманываешь?» Лиса стала такъ божиться, что ужъ и волку совъстно было не върить; воротились, взяли всѣ запасы, которые лиса украла на селъ, и уклали ихъ въ сани. Туть рвшето мучицы, кринка маслица, полстегна свъжинки, курочка, селезень, узелокъ соли, гусь, одна борть меду... «Лисичка-сестричка,» сказалъ волкъ, «не поужинать руку, ЛИ на скорую ВЪ сухомятку – оно бы кстати; и я голоденъ, да въдь и сани трещатъ; видно больно тебъ, обжора, плохи!» — Стыдно не

успъешь наъсться! тебъ все бы только одному убрать въ ненасытимую утробу свою! да развъ санямъ легче будетъ, что ты все это вобьешь въ свой мѣшокъ, да и самъ взвалишься? такъ ужъ лучше слъзь, поди пройдись немного пъшкомъ; въдь если и трещать сани наши, такъ отъ тебя одного! — Согнала она старика съ воза, заставила итти пъши – а сани опять крякнули. «Это же что?» спросиль волкь. — Это, — отвъчала Патрикъевна, – я оръшекъ разгрызла. – «Такъ дай же и мнъ!» – Да послъдній; одинъ только и былъ. – Опять крякнули сани, опять говорить орфшекъ, и опять таки послѣдній – а за третьимъ разомъ вязки разсыпались и сани развалились. Какъ быть тутъ? Сколько перекорялись, НИ кончилось тъмъ, что надо чинить сани; волкъ остался во всемъ виноватъ и ему же пришлось итти въ лѣсъ, вырубить новые вязки да накопыльникъ.

Лиса осталась покараулить возъ, и общаривъ, обнюхавъ его кругомъ, нашла въ немъ еще подъ сѣномъ мѣшокъ сыру, да кринку сметаны. «Вотъ,» сказала она,

«Богъ далъ еще добра; таки спасибо, добрыхъ людей не забываетъ; а дуракъ этотъ, названый братъ мой, сидълъ на съъстномъ, да со страху не донюхался; видно ему не только память, и чутье отшибли.»

Убравъ всѣ пожитки, Патракъевна вздумала еще порядкомъ потрунить надъ товарищемъ своимъ и напугать его: прогрызла у лошади бокъ, выъла у нея всъ животы, начинила ее живыми воробьями и лошадь окоченъла, заткнула соломой; замерзла стояла И какъ живая. Воротившись, волкъ вычинилъ сани, сълъ и сталь понукать — нейдеть лошадь. «Поди,» сказала Патрикъевна, «что же ты бариномъ такимъ разсълся? поди, погляди за чъмъ стало, видно дѣло запрягать ТЫ умѣешь!» Волкъ обошелъ, оправилъ все и увидалъ солому. «Вишь,» говоритъ, «какъ брюхо набила, солому претъ изъ нея» потянулъ зубами солому – а животы выпорхнули!

Вотъ лиса и напустилась на него: «Что ты это надълалъ, старый бъдокуръ! На

чѣмъ же мы теперь поѣдемъ? Вѣдь лошадь теперь ужъ не жива; ты всѣ животы выпустилъ!» Волкъ испугался; Патрикѣевна принялась его стращать еще больше, что вотъ—де скоро наѣдутъ мужики, да застанутъ насъ съ тобой въ расплохъ, такъ и поплатимся; тогда все пропало, весь запасъ что собирали! — Какъ быть? — «Да больше нечего дѣлатъ, братишко, какъ лѣзтъ тебѣ въ хомутъ, да везти сани съ поклажей домой.»

Не хотълось бы волку въ хомутъ, не привычное дъло – да какъ быть; лиса права – самъ онъ выпустивъ виноватъ, неосторожно животы изъ кобылы, ъхать не на чемъ; стало быть надо браться за гужъ самому. А взялся за гужъ, такъ и не говори что не дюжъ; какъ надълъ онъ на себя хомутишко, да шлею накинулъ, да какъ засупонила его лиса, пригнавъ по немъ упряжь за великое одолженіе стала погонять и въ хвостъ и въ голову, возжами потряхиваеть, знай кнутишкомъ помахиваетъ. «Брось кнутъ,» сказаль сърый сестрицъ, «начто же ТЫ

стращаешь?» пустякамъ меня ПО нельзя же, братецъ, – сказала лисанька, – самъ ты умный человѣкъ знаешь, какъ водится: гдъ же ты видълъ, чтобъ козлы сълъ? кучеръ безъ кнута на Смолчалъ горемыка нашъ, самъ тянетъ въ упоръ и приговариваетъ: «битый, битаго везетъ!» лиса переговариваетъ своему: - битый небитаго везеть. - «Что ты мурлычешь?» — спросиль волкъ. — Охъ, братишко, и плачу да пою тобою за слъдомъ: битый битаго везетъ; что ТЫ говоришь, то и я! —

Лиса стегнула сфраго порядочно; онъ испугавшись вдругъ дернулъ, сани ударились о пень и перевернулись; кладь вывалилась, а пфтушокъ, котораго лиса изъ жалости не придушила, выскочилъ бѣжать всъхъ пустился \mathbf{co} Досталось бѣдному волку тутъ на орѣхи; какъ ни бился онъ, доказывая лисанькъ, что она же сама бъдъ этой виновата, а тѣмъ, что сърый кончилось И повърилъ, будто онъ всему причиной. Что у меня за глупая голова, подумалъ онъ — или

мнѣ ужъ память вовсе отшибли; о чемъ ни заговоришь — вотъ таки кажется понимаешь дѣло ясно и не сомнѣваешься ни въ чемъ, — а какъ эта оструха напустится по своему, да растолкуетъ, такъ и сядешь себѣ дуракъ дуракомъ, ровно вотъ ничего не смыслишь!

Пътушокъ, котораго лисанька поймала и по неосторожности опять упустила, былъ гребешокъ, знакомый золотой нашъ масляна головка, что жилъ да служилъ у старика со старухой. Наостривъ пустился онъ, не переводя духу, домой, прибѣжалъ запыхавшись, такъ, что и слова не могъ вымолвить, вскочилъ на заваленку стучать давай носомъ ВЪ оконце. Курочка, увидавъ его и обрадовавшись, подбъжала было къ нему, но онъ не сталъ «поди,» говоритъ, съ нею и толковать: тебя старуха, не **«отвяжись** ДО теперь, некогда;» и принялся опять стучать сильнъе «Что прежняго. пътушкомъ СЪ такое нашимъ,≫ сказалъ старикъ и вышелъ посмотрѣть; а за нимъ и старуха. Пѣтухъ, увидавъ ихъ, пустился бъжать опять по той дорожкъ, по которой уъхали волкъ

лисой, приговаривая: «вотъ, вотъ, вотъ... тутъ, тутъ, тутъ...» Старички, не понимая чего отъ нихъ хочетъ пътухъ, шли однако за нимъ, нимъ И **BCC** и все бъжитъ оглядывается, манитъ ихъ впередъ. Такимъ образомъ онъ довелъ ихъ попутчиковъ-односумовъ до нашихъ, до волка съ лисой, которые, послъ перекоровъ, все еще не могли возомъ сърый справиться СЪ своимъ; просился у лисы: «разсупонь-де меня, да тебѣ помогу распряги, такъ Я поднять;» а лиса говорила: «обманешь, въ лѣсъ уйдешь; твое дѣло везти, поправлять да погонять.»

Въ такомъ то расплохъ старикъ старухой застали волка съ лисой: лисанька, увидавъ ихъ, бросилась въ лѣсъ и только вильнула; сърому хвостомъ a некуда дъваться, стоить въ оглобляхъ, поджавъ хвость, да напрягая спину подъ дубину. Но старикъ не сталъ бить съраго, потому что ужъ уйти ему было некуда, а подумалъ: пусть же онъ насъ, за всѣ грѣхи свои, домой прежде довезетъ авось еще

дорогою покаится, такъ легче будетъ ему на томъ свътъ. Съли они вдвоемъ на сани, собою, посадили съ поворотили назадъ. Волкъ бѣжалъ во весь духъ, ровно кто его жегаломъ погоняетъ, и добъжавъ безъ памяти ДΟ избы дъда, грянулся о-земь И вывалилъ поларшина языкъ. Старикъ со старухой, прокатившись на диво всему міру на волкъ по селу, переносили всѣ припасы съ саней въ избенку свою, а потомъ перелобанили съраго, сняли съ него шкуру и продали ее. Такъ стали они жить да поживать лисанькиной руки ПО маленьку разживаться; да только воть бфда: какъ за ложку, такъ и за ссору. Напекли они съ радости пироговъ, наварили щей и всякихъ хорошихъ яствъ; а какъ подала старуха щей горшокъ съ пылу, да вылила въ чашку, да посолила, да принялись всть — то баба стала мѣшать по своему, отъ себя; а дѣдъ также по своему, на себя.

И я тамъ былъ, медъ и пиво пилъ, курникъ ѣлъ, пѣтушкомъ запѣлъ; по усамъ

текло, въ ротъ не попало, на душѣ тепло и сытно стало.

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ.